

Скорининские ономастические этюды*

Илья Лемешкин

Карлов университет
Прага, Чехия
Институт литовского языка
Вильнюс, Литва

Skaryna's Onomastic Variations

Ilya Lemeshkin

Charles University,
Prague, Czechia;
Institute of Lithuanian Language,
Vilnius, Lithuania

Резюме

Доктор медицины Франциск Скорина объединяет культурно-историческое пространство Западной и Восточной Европы первой половины XVI в., а материалы, касающиеся жизни и деятельности первого издателя Великого княжества Литовского, рассредоточены в архивах Италии, Польши, Литвы, Германии, России и других стран. В статье преимущественное внимание уделяется пражским и венским архивным материалам, в том числе — документам, связанным с садоводческой деятельностью Ф. Скорины при пражском дворе Фердинанда I, а также антропонимам, на основании которых целесообразно продолжить поиск новых источников.

Ключевые слова

Скорин(а), антропоним, колофон, акrostих, *Малая подорожная книжка*

* В 2016 г. в Праге отмечалось 90-летие со дня основания Пражского лингвистического кружка (международный colloquium «L'expérience et l'avenir du structuralisme — Minulost a budoucnost strukturalismu», 24–26.10.2016). В рамках подготовки новых «Тезисов» (Travaux du Cercle linguistique de Prague, vol. 8) был актуализирован жанр этюдов.

Цитирование: Лемешкин И. Скорининские ономастические этюды // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 149–169.

Citation: Lemeshkin I. (2020) Skaryna's Onomastic Variations. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 149–169.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.6

Abstract

The person of the Belarusian physician Francysk Skaryna unites the cultural-historical space of Western and Eastern Europe in the first half of the 16th century. He was the first publisher in the Grand Duchy of Lithuania, and records about his life and activities can be found in a number of archives in Italy, Poland, Lithuania, Germany, Russia etc. The focus of this study is to examine materials from Prague and Vienna, particularly looking at Skaryna's horticultural activity (at the court of Ferdinand I in Prague) and at anthroponyms, which may help to make the search for new documents more effective.

Keywords

Skaryn, Skaryna, anthroponym, colophon, acrostic, *The Little Travel Book*

*По случаю 550-летия рождения Ф. Скорины
(1470–2020)*

Деятельность Франциска Скорины (францискъ скѡрин(а), *Franciscus quondam domini Luce Scorina de Poloczko, ffrantiffek Rufs skorýn f poloczko*, 1470, Полоцк — до 29.1.1552, Прага) связывает культурно-историческое пространство Чешского королевства и Великого княжества Литовского первой половины XVI в. При этом особое значение приобретает наиболее продолжительный (ок. 1515–1520; 1534–1552) и продуктивный чешский период, когда уроженец Полоцка практиковал в Праге медицину, занимался переводом и редактированием Библии, издавал книги, а также в качестве ученого-ботаника служил королевским садовником. Библейский проект Ф. Скорины, представленный изданиями 1517–1525 гг., был обращен к «братии моей Руси», соответственно и способ саморепрезентации в них зависел от ожиданий целевой читательской аудитории. Наше внимание в данной работе привлекает другой аспект: каким образом выходца из Полоцка воспринимали в Чехии, и, соответственно, как он сам себя представлял, занимаясь издательским делом в Старом городе Праги и работая королевским садовником в Пражском граде. К сожалению, источники, позволяющие рассмотреть эту проблему, весьма немногочисленны: документирующий ренессансный портрет 1517 г., королевская грамота 1552 г. и, возможно, читательски-экспонированный издательский акростих в составе *Акафистника*.

•а• *Скорин vs. Скорина*

Начиная с XVIII в., первого издателя Великого княжества Литовского принято называть *Скориной* [напр.: Dobrovský 1796: 102–103], т. е. при помощи антропонима, исходное подобие которого (*Скорина* или *Скори-на*) было реконструировано на основе косвенных падежей. В пражских

изданиях 1517–1520 гг., в которых устойчивым формулам авторской репрезентации уделялось особое внимание, мы имеем дело с винительным и творительным падежами единственного числа: скоринны (gen. sg.; в рамках словосочетания доктора франциска скоринны в предисловиях и колофонах встречается не менее 32 раз) и скоринноѹ (instr. sg.; формулировка докторомъ францискомъ скоринноѹ в *Бивлии русской* использована более 18 раз). Именительным падежом, к нашему удивлению, издатель воспользовался один единственный раз — в *Книге Царств* (10 августа 1518 г.), причем уникальную словоформу он сопроводил романизованным именем с не менее редкой (в печатных источниках) огласовкой окончания: ѹ франциско скорина меновалъ ѿсми. Ср. с соответствующими местами во всех иных библейских книгах: францишскъ или францискъ nom. sg.; франциска gen. sg.; францискомъ instr. sg.

Складывается впечатление, что издатель, используя антропоним скорин-, избегал номинатива, поэтому в позиции прямого падежа последовательно пользовался перифрастическим оборотом скоринниъ сынъ. Распространенная посессивная конструкция с главным словом сынъ и притяжательным адъективом с суффиксом -ин- в разных падежах использована не менее 22 раз. Любопытно, что косвенная номинация в *Бивлии русской* имеет четкие хронологические рамки. Словосочетание скоринниъ сынъ использовано в одиннадцати первых публикациях, т. е. начиная с *Псалтыри* (6 августа 1517 г.) и заканчивая *Книгами Царств* (10 августа 1518 г.). В разных падежах (nom., gen., instr.) мы находим его на титульных листах, в предисловиях и колофонах. В дальнейшем, начиная с *Книги Навина* (20 декабря 1518 г.), издатель прибегает только к помощи косвенных падежей скоринны и скоринноѹ¹. Единственные исключения составляют недатированные *Числа*, печатание которых в рамках Пятикнижия ориентировочно принято относить к 1519–1520 гг. Закономерность, которую мы находим в использовании посессивной конструкции, позволяет отодвинуть печатание *Чисел* к концу 1518 – началу 1519 гг. На этом основании относительную хронологию частей *Пятикнижия* гипотетически можно представить следующим образом: *Числа* (ок. кон. 1518 – нач. 1519) — *Бытие* (1519) ↔ *Второзаконие* (1519) — *Исход* (ок. 1520) ↔ *Левит* (ок. 1520).

С посессивным выражением скоринниъ сынъ семантически соотносима патронимическая форма скорин-ич, известная нам по акростихам из *Акафистника* (о ней далее). Указанные формы свидетельствуют в

¹ Начиная с *Книги Навина*, в колофонах библейских книг изменяется также формулировка, обозначающая локализацию печатного дела: ѿ старомъ мѣсте пражскомъ > ѿ великомъ мѣсте пражскомъ [Лемешкин 2017: 154–160]. Можно предположить, что в конце 1518 г. издатель отредактировал паратекстовые элементы своих будущих публикаций, т. е. что словосочетание скоринниъ сынъ перед этим использовалось еще шире.

пользу того, что во времена Ф. Скорины антропоним скорин-, по всей видимости, функционировал как прозвище, которое из-за профессионального признака ('связанный с (изготовлением / торговлей) кожей, шкурой, мехом'²) подходило купцу Луке, который в Полоцке вел торговлю кожей и пушниной. Для его сына — доктора медицины, который сам сопоставлял себя с учителем церкви (св. Иеронимом: [Лемешкин 2020: 126–127]), — такое наименование, само собою разумеется, не было подходящим, поэтому издатель отдает предпочтение (по крайней мере в первый год своей издательской деятельности) опосредованной форме номинации: скорининъ сынъ = скоринич = франциска [сына] скорины (ср. *Franciscus quondam [filius] domini Luce Scorina de Poloczko*).

Отдельного рассмотрения в жанровом контексте ренессансного портрета (*Privatporträt*), созданного в традиции Северного Возрождения [Lemeškin 2020], заслуживает общеизвестное изображение издателя, в 1517 г. опубликованное в *Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова* (5 декабря 1517 г.), а повторно год спустя — в *Книге Царств* (10 августа 1518 г.). Ксилография представляет особую ценность из-за «подписи» портретируемого лица, которую в нижнем поле ксилографии воспроизвел «Мастер тонкого штриха» (*Mistr jemne šrafury*) [Voit 2014].

Рис. 1. Информация о портретируемом лице на гравюрном портрете 1517 г. в «Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова» (5.XI.1517 г., f. 82r). Библиотека Российской Академии наук. Хранение: НИОРК, 994 СП

Вырезая кириллическую вязь, мастер, без всякого сомнения, опирался на автограф Ф. Скорины, т. е. скопировал аутентичный и авторизованный вариант имени и фамилии. Традиционно принято считать (например, [Ровинский 1884: 3]), что издатель здесь воспользовался антропонимом скорина. Внимательнее присмотревшись к изображению, мы, однако, должны констатировать, что на самом деле издатель в свой репрезентативный портрет вписал форму скωрин³. Словоформу скωрина прочитал и в научный обиход ввел И. М. Снегирев. Сделал он это, опираясь не на оригинал, а на гравюрную интерпретацию А. А. Флорова. Последний

² Ср. [Преображенский 1910/1914: 306; Фасмер, Трубаев 1987: 650; ГСБМ 2011: 358–359, 369].

³ Оправданность такой расшифровки любезно подтвердили Н. Морозова и Л. В. Мошкова.

в изображение ввел лигатуру ко, а омегу переделал в букву л. Данное чтение, основанное на ошибочной интерпретации гравера XIX в., дошло вплоть до наших дней [Lemeškin 2020: 59–60].

Последовательность штрихов проследим в таблице, актуализированной⁴ специально для целей данной статьи, где для удобства восприятия приведем негатив отдельно взятых знаков:

с	к	ω	ρ	и	н	л
						-
						-

Рассматриваемая вязь выполнена техникой белого штриха, что исключает случайный технический недочет. Если бы резчик по невнимательности пропустил финальную букву, ее было бы легко добавить в любой момент (свободное место для этого было). Таким образом, «восстанавливать» окончание -л, как это сделал А. А. Флоров, нет ни малейшего художественно-ремесленного и палеографического основания, но, прежде всего, нет такой нужды, ибо словоформа *скωрин* (adj. скор-инз 'шкурин, изготовленный из кожи, кожаный; связанный с кожей, мехом, шкурой; связанный с изготовлением кожи', производное от др.-рус. *скора* 'шкура, кожа, мех')⁵, будучи словообразующей основой, является вполне прогнозируемой и ожидаемой.

Важно отметить, что Скорин встречается и в другом не менее важном источнике. Таким образом «доктора Франтишека Руса Скорина» обозначила чешская королевская канцелярия (*Národní archiv*, фонд № 182: *Registra, Praha*, Т. 51). В грамоте *Wierziczy list Sýmeona Rusa* («Представительная грамота Симеона Руса») от 29 января 1552 г. Фердинанд I оповестил о кончине своего бывшего садовника (*zahrádnijk našs... z tohoto swieta*

⁴ По всем известным оттискам портрета [Lemeškin 2020: 43–49]; ср. ранее, например, [Лемешкин 2018: 17] или [Lemeškin 2020: 62].

⁵ [СРЯ XI–XVII, 24: 235; Фасмер, Трубочев 1987: 650; ГСБМ 2011: 358–359].

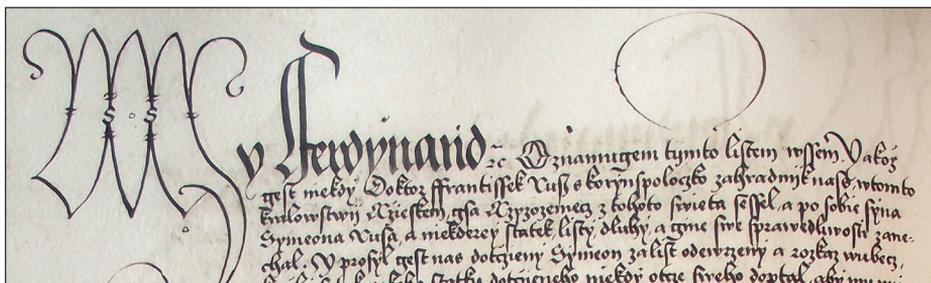

Рис. 2. Грамота Wierdzicy list *Sýmeona Rusa* («Представительная грамота Симеона Руса»), выданная Фердинандом I 29. I. 1552 г. Národní archiv, фонд № 182: Registra, Praha, T. 51, f. 27v

Jessel) и, удовлетворив просьбу осиротевшего Симеона Руса, обязал всех своих подданных оказать всевозможное содействие просителю, который желает вступить в законные права наследования собственностью отца:

My Ferdynand etc Oznamugem tijmto listem wšsem. Yakož gest niekdý Doktor šfrantíšek Rušs skorýn š poloczko zahradník nafs, w tomto kralowštwij Čzieškem, gfa Czuzozemecz z tohoto šwieta Jessel, a po sobie šýna Symeona Rusa, a niekdereý statek, listý, dluhý, a gine šwe šprawedliwošti zanechal. [...]

[Мы, Фердинанд и т. д., объявляем этой грамотой всем, что доктор Франтишек Рус Скорин из Полоцка, некогда наш садовник, будучи иностранцем в этом королевстве Чешском, ушел с сего света, а после себя оставил сына Симеона Руса и некоторое недвижимое имущество, документы [владельческие], долговые расписки и прочие свои имущественные права]

Королевская грамота, выданная в Праге вскоре после смерти издателя, фиксирует форму антропонима, под которым полочанин должен был быть известен Богемской палате (чеш. *Česká dvorská komora*; нем. *Böhmische Kammer*) и самому королю в период с 22 мая 1535 по 21 июля 1539 г., когда бывший издатель служил пражским королевским садовником. Более чем вероятно то, что данная форма антропонима была указана и в прошении Симеона Руса, в котором младший сын сообщил о кончине своего отца. Сам Симеон Рус антропонимом *Скорин(а)*, судя по имеющимся документальным свидетельствам, не пользовался.

Итак, фамильное прозвище *скорин* (без астериска!) фигурирует в двух авторитетных пражских источниках, которые друг от друга отдалены и по времени своего создания (1517, 1552), и в жанровом отношении (сопроводительный текст к документирующему портрету и королевская грамота). Антропоним *скворин* (по всей видимости, с ударением на первом

слоге; ср., например, *Шкúрин*, *Шубин*, *Кóжин* и т. п.; использована буква ω на месте / \hat{o} / в ударной позиции⁶, в других случаях использована «малая» *O*, т. е. скорин-) следует считать полноправной альтернативой вторичному по происхождению *Скóрина* или *Скорина*. Производная форма пот. скорина, в серийном издании библейских книг использованная всего один раз, вероятно, отражает стадию, когда на базе мотивированного отцовского прозвища (по сфере профессиональной деятельности) постепенно появляется демотивированная фамилия. Рассматриваемый антропоним, следовательно, потенциально возможно изменять по падежам как принадлежащий к I типу склонения: *Скóрин*, *Скóрина*, *Скóрину*, *Скóрина*, *Скóрином*, *Скóрине*. Подпись к портрету «доктора Франциска Скóрина» надлежит читать как *двктор францискъ скврин*.

•В• *Скорин* — *Cetro*

Использование в репрезентативно-документальном ренессансном портрете производящей формы *скврин* может показаться на первый взгляд странным. По какой причине издатель решил адъективировать свою и так говорящую фамилию: *скор-инъ* ‘связанный с кожей, изготовленный из кожи’? На данный вопрос нам может дать ответ документ, хранящийся в Архиве венской придворной палаты (*Österreichisches Staatsarchiv, Finanz- und Hofkammerarchiv*). В фонде *Böhmisches Gedenkbuch 302* находится источник, который, возможно, содержит грубо латинизированную фамилию Ф. Скорина — *Cetro*.

«Богемская памятная книга», охватывающая период с 1 сентября 1536 до 31 декабря 1540 г., содержит распоряжения короля, адресованные Богемской палате 4 июля 1538 г. В части, касающейся строительства и обустройства королевского сада, выражается обеспокоенность работой пражского садовника:

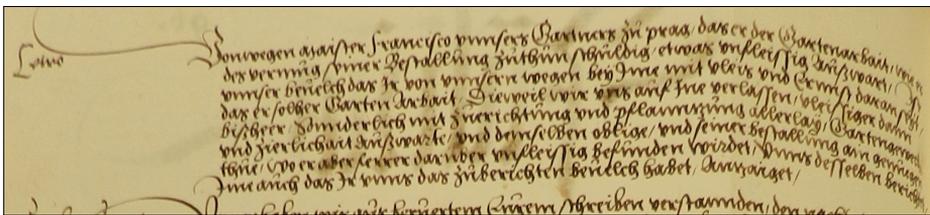

Рис. 3. Распоряжения Фердинанда I от 4. VII. 1538 г., адресованные Богемской палате (фрагмент). *Österreichisches Staatsarchiv, Finanz- und Hofkammerarchiv*, фонд *Böhmisches Gedenkbuch 302*, f. 96v

⁶ Ср. с так называемой омеговой графической системой, известной как в рукописной, так и в книгопечатной традициях: [Зализняк 1990; Кусмауль 2015].

Cetro — Von wegen maister Francifco vnnfers Gartners zu prag / das er der Gartenarbit / wie [er] des vermug seiner Bestallung zuthun schuldig / etwas vnfleißig Aufswart / Ist vnfer beuelch das Jr von vnnfern wegen beij Jme mit vleis vnd Ernnt daran sezt / das er folher Garten Arbit / Dieweil wir vns auf Jne verlassen / vleißiger dann bißheer / Sonnderlich mit zuerichtung vnd pflantzung allerlaij / Gartengewec[hs] vnd Zierlichait Aufswarte / vnd demselben oblige / vnd seiner bestallung ain genuegen thue / wo er aber ferrer darüber vnfleißig befunden wirdet / vnns desselben berich[tet] / Ime auch das Ir vnns das zuberichten beuelch habet / Antzaiget /

В конце книги помещен именной регистр, где в разделе под буквой С словоформа *Cetro* как антропоним использована повторно:

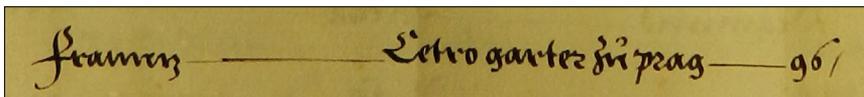

Рис. 4. Фрагмент из именного регистра «Богемской памятной книги» за период 1. IX. 1536–31. XII. 1540 гг. Österreichisches Staatsarchiv, Finanz- und Hofkammerarchiv, фонд Böhmisches Gedenkbuch 302

Francisz — Cetro garter zu prag — [f.] 96 /

Получая из Вены письменные распоряжения, Чешская палата архивировала документы в так называемых «Регистрах». Копия интересующего нас королевского послания попала в их девятнадцатый том (*Národní archiv*, фонд № 182: *Registra*, Прага). Важно отметить, что в «Регистрах» представлены незначительно сокращенные копии. Писарь Богемской палаты пропускал инициальные титулярные части и иные повторяющиеся *loci communes*. Сравнение двух текстов показывает, что при переписывании были пропущены рубрики, вынесенные на поля рукописного оригинала.

За исключением *Cetro*, в пражском списке находим практически полностью идентичный текст:

Von wegen maister Francifco vnnfers Gartners zu Prag. daz Er der Garten Arbit. wie Er des vermug seiner bestallung zu thuen schuldig war. etwaz vnfleißig Aufswart Ist vnfer beuelh. daz Ir von vnnfern wegen / beij Ime mit vleiß vnd Ernnt / darob seijet / daz Er folher GartenArbit. dieweil wir vnns auf Ine verlassen. vleißiger dann bißheer. sonnderlich mit zuerichtung vnnd phlannzung Allerlaij Gartengewechs vnd Zierlichait Aufswarte / vnnd denselben oblige. vnd seiner bestallung Ain gnuegen thue Wo Er Aber verrer darüber vnfleißig befunden wirdet / vnns desselben berich=tet / Ime Auch. daz Ir vnns zuberichten beuelh habt. Anzaigt /

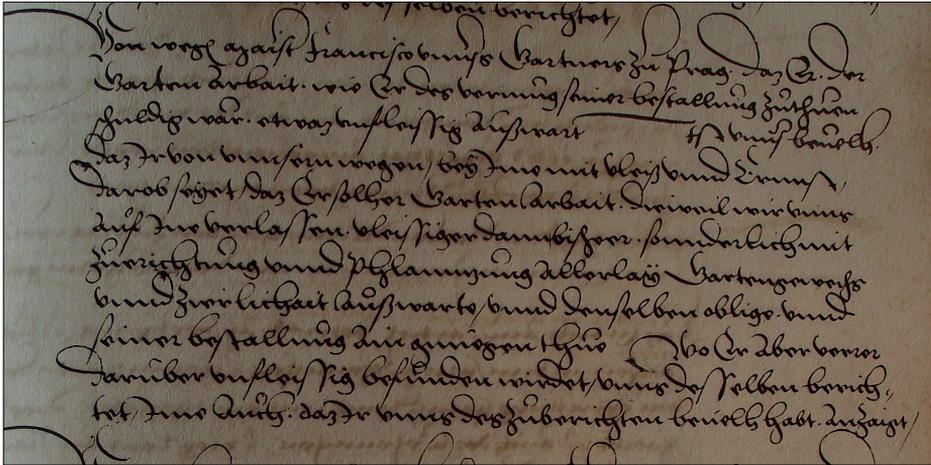

Рис. 5. Фрагмент из «Регистров» Чешской палаты (4. VII. 1538).
Národní archiv, фонд № 182: Registra, Praha, T. 19, f. 32r

[А что до мастера Франциско, нашего садовника в Праге, что он с малым прилежанием выполняет работы по саду, которые он должен выполнять по своей должности, то наше приказание, чтобы вы от нашего имени с усердием и серьезностью проследили за ним, чтобы он, поскольку мы полагаемся на него, таковые работы по саду выполнял прилежнее, чем до сих пор, особенно по благоустройству и по выращиванию всяческих садовых растений, и тем самым следовал своим обязанностям и своей должности; а ежели он и дальше не будет прилежным, то сообщите нам об этом и ему скажите, что у вас есть приказание сообщить нам] (перевод В. И. Дарашкевича, Г. А. Скакуна).

По копии, находящейся в пражских «Регистрах», источник в свое время был введен в научный оборот (в перечне «Дакументы пра Францыска Скарыну» под № 39: [Дакументы 1988]), однако форма предположительного антропонима, сохранившаяся в оригинале и использованная в венском делопроизводстве, к сожалению, для исследователей Ф. Скорина осталась неизвестной.

Королевское послание от 4 июля 1538 г., отрывок из которого был выше приведен по венскому и пражскому спискам, было реакцией на донесение Богемской палаты от 22 июня 1538 г., в котором пражский суперинтендант Флориан Гриспек (Florián Grysppek z Gryspachu, 1509–1588) пожаловался на работу своего подчиненного — садовника Франциско. Донесение Ф. Гриспека и ответ на него Фердинанда I могут создать впечатление, что в 1538 г. Ф. Скóрин сидел, сложа руки. На самом деле все, вероятно, выглядело несколько иначе.

С целью реализации своего проекта (одобренного королем в Вене до 1 мая 1535 г.) Ф. Скóрин прибыл в Прагу в конце мая – начале июня 1535 г., однако разбивка сада длительное время была невозможна или серьезно осложнена разнообразными подготовительными и строительными работами. До 1538 г. очищали и выравнивали территорию, с севера возводили каменные ограждения, строили мост, соединивший сад с Пражским градом. К интенсивным садоводческим работам, судя по имеющимся данным, приступили только в 1538 г.: 13 февраля из Триеста привезли 430 ростков виноградной лозы, 30 фикусов, 12 кустов айвы, две коробки с косточками персиков и миндаля, большое количество черенков абрикосов и черешни; не позднее 21 июля из Вены пришла другая партия семян и ростков (подробнее: [Dobalová 2009: 68; Lemeškin 2017]). Наивно думать, что недавно завезенный посадочный материал мог дать плоды уже к июню того же года. Из сообщения Ф. Гриспека узнаем, что стараниями садовника в Праге взошли лишь «итальянские» насаждения, т. е. цитрусовые, а из иных фруктов пока ничего нет. Необходимо считать и с тем, что результаты работы зависели не только от способностей и усердия придворного служащего, но и от качества/свойств присланных растений. Далеко не все виды субтропической флоры, с которой тогда Ф. Скóрин экспериментировал, подходила для местных климатических условий. После жалобы Ф. Гриспека в должности королевского «растениеведа» доктор Ф. Скóрин проработал еще год, до 21 июня 1539 г. Второй профессиональный садовник-теоретик – доктор Хуго Вениус (Hugo Vennius (Velius)) из Фландрии – начал работу в феврале 1538 г. В его ведение был отдан овраг, расположенный между королевским садом и Пражским градом, которым ранее распоряжался некий стрелок из гвардии Фердинанда I (вероятно, Георг Митл) [Dobalová 2009: 68].

В связи с ботанико-садоводческой деятельностью Ф. Скóрина следует затронуть один немаловажный аспект. До сих пор можно встретить мнение, будто в Праге королевским садовником трудился не он, а некий не идентифицированный однозначно итальянец или испанец (например: [Chotěbor 1993: 24; Dobalová 2009: 63; Тарасаў 1990: 76] и др.). Причин здесь несколько. Австрийские и чешские исследователи [Leitzmann 2007: 73; Dobalová 2009: 63], выдвинувшие такое предположение и увлекшие своими категоричными утверждениями многих скориноведов, упустили из виду главное свидетельство – рассмотренную выше грамоту Фердинанда I от 29 января 1552 г., где король прямо именует полочанина «своим садовником» (*zahradník nafs*). Ценный источник, надежный и однозначный по своему содержанию⁷, по случайному

⁷ Информация о деятельности Ф. Скорина в роли садовода-теоретика, по всей видимости, была указана в прошении Семиона Руся, затем она прошла через руки

стечению обстоятельств оказался им неизвестен, что закономерно породило скептическое отношение к информации о садоводческой работе бывшего книгоиздателя.

Для многих зарубежных исследователей, занимавшихся историей «райских садов» (*Irdische Paradiese*), осталась недоступной и другая важная информация: во-первых, Ф. Скорин был тесно связан с Падуанским университетом, в котором студентов-медиков обучали прикладному садоводству, т. к. им приходилось выращивать «простые», т. е. лечебные растения (*Orto dei semplici*). Не случайно, что во времена Ф. Скорина здесь в 1545 г. был основан первый в Европе ботанический сад (*Orto Botanico di Padova*). Полученная в Падуе академическая степень является важнейшим условием идентификации Ф. Скорина в качестве ученого-садовника. Во-вторых, сын Скорина Симеон, продолжая семейную традицию, также трудился в качестве садовника в Южной Чехии [Лемешкин 2018].

Исследователей, которые руководствовались формальным критерием, сбилось с толку словосочетание *welisch gartner*. Казалось, что такая формулировка, использованная в распоряжении Фердинанда I от 21 июля 1539 г., не может относиться к полочанину. Однако при дворе Фердинанда I Ф. Скорин смело мог — а вероятно, и должен был — выдавать себя за итальянца, так как иначе ему было бы трудно реализовать себя в области садоводства, «монополизированной» итальянцами. Получив в Падуе академическую степень, «итальянец»-Скорин создает в Праге «итальянский сад», выращивает «итальянские растения», а в письменном общении отдает предпочтение латыни.

Называя себя итальянцем, Ф. Скорин никого не вводил в заблуждение. В Австрии и Чехии, Италии и Германии, в Польше и других краях бытовало представление о романских истоках Великого княжества Литовского. Эту идею популяризировали десятки авторов задолго до Ф. Скорина и в его времена, в том числе, например, Матвей Меховский (*Maciej z Miechowa*, ок. 1457 – 8 сентября 1523) в «Трактате о двух Сарматиях», впервые изданном в 1518 г., утверждал: *Aiunt autem vetustiores et antiquitatum relatores, quod quidam Italici, propter Romanorum dissentiones deserentes Italiam, ingressi sunt terras Lithuaniae et nomen patriae Italia, genti vero Itali, indiderunt; quae per posteros terra Litalia gens Litali littera praeposita*

чиновников Чешской палаты и самого короля. Перепутать своего пражского садовника с кем-то иным Фердинанд I не мог. Сад, выполняя репрезентативную функцию, воспринимался как продолжение королевского дворца. Молодой король принимал непосредственное участие в планировании и реализации проекта своего садовника, указывал, например, какую винную лозу старого виноградника следует оставить, а какую удалить. С ученым ботаником-садоводом он неоднократно встречался как в Вене, так и в Праге.

coepit nuncupari. Ruteni autem et Poloni, eorum vicini, maiorem immutationem facientes usque in hodiernam diem terram Lithuaniam, gentes vero Lithuanos appellant [Аннинский 1936: 176]⁸.

Отождествление себя с итальянцами в культурно-историческом пространстве Великого княжества Литовского являлось вещью совершенно банальной. Национальная самоидентификация, как хорошо нам показывает и пример Ф. Скóрина, тогда имела прагматическое значение. В Кракове молодой полочанин называет себя потомком римлян — *Litphanus*. Попав в Падую, он становится *Ruthenus*. Престиж студента здесь укрепляет экзотическое восточнославянское происхождение (он приехал издалека, чтобы увеличить славу Падуи). Издавая Библию, Ф. Скорин настойчиво называет себя доктором Франциском из славного града Полоцка, таким образом позиционируя себя в глазах своего читателя из Великого княжества Литовского. Второй раз прибыв в Чехию, по тем же самым прагматическим соображениям он выдает себя за «итальянского садовника» и создает здесь итальянский сад. Самоопределение, зависящее от житейских обстоятельств, прекрасно соответствует представлениям и практике того времени и является поэтому вполне закономерным.

Итак, службу Ф. Скорина в качестве королевского садовника следует признать несомненным и прекрасно документированным фактом, что позволяет ставить знак равенства между антропонимом Скорин и формой (?) *Cetro*. Однако ее интерпретация вызывает у нас ряд трудностей.

С формальной точки зрения, в первую очередь следует рассмотреть в качестве версии лат. *cetero* (*caetero*), которое при записи могло сокращаться до *cetro* [Carpelli 1928: 51], однако в таком случае возникают позиционно-функциональные и семантические препятствия. Во-первых, в именном регистре «Богемской памятной книги» приводятся имена собственные. Так же как и рубрики на полях, они, как правило, для простоты пользования (т. е. для быстрого обнаружения нужной информации) не подвергаются сокращению. Во-вторых, значение 'прочий, остальной, другой' проблематично связать с Ф. Скóрином, т. к. вплоть до июня 1539 г. он был первым и *единственным* ученым-садовником пражского Королевского сада. Латинскую лексему, пожалуй, можно

⁸ «Старинные историки, рассказывая о древности, говорят, что некие италийцы, оставив Италию из-за несогласия с римлянами, пришли в землю Литовскую и дали ей имя родины — Италия, а людям — название италы; у позднейших земля стала называться, с приставкой буквы *л* в начале — Литалия, а народ литалы. Русские же и поляки, их соседи, еще больше изменяя эти имена, вплоть до сего дня называют страну Литвой, а народ литовцами» (перевод — С. А. Аннинский [1936: 98]).

было бы толковать как наречие, использованное в значении 'кроме того, между прочим'. Такое словоупотребление можно представить на полях рукописи (*Cetro — Vonwegen...*), однако оно с трудом интерпретируется в составе именного регистра (*Franncz — Cetro garter zu prag*).

Возможно, более детальной проверки заслуживает следующая интерпретация гипотетического антропонима. В классической латыни засвидетельствован субстантив *cētra / caetra* 'из твердой кожи изготовленный небольшой, легкий щит (у испанцев, африканцев и британцев)'⁹. Правомерно ли предположить, что таким образом издатель, прибегнув к метонимии, семантически калькировал свою фамилию: скоринз 'из кожи изготовленный, кожаный' > варваризм *Cetro* (< лат. *cētra*) 'кожаный щит'?

Гипотетическое отождествление фамилии издателя с античным «изделием из кожи», т. е. с определенного рода средством обороны — оружием¹⁰, могло бы объяснить, почему титульный лист *Бивлии русской* украшает контур щита. Пустой щит доминирует в верхней полосе титульной рамы. В ее нижнем ярусе изображены похожие щиты, однако они заполнены христорогическим визуальным содержанием [Темчин 2009: 163–164; Idem 2017].

•Г• Франциск Скорин(а) vs. Скоринич Францискус

Отдельного рассмотрения заслуживает антропоним **скоринич**. Патронимическая форма присутствует в составе именных акафистных акростихов: **п-и-с-а-л-д-ш-к-т-о-р-с-к-о-р-и-н-и-ч-ф-р-а-н-ц-и-с-к-з-с** (ἀκάφιστὴς ἡσωνοῦ καὶ ἐξσεβαλνοῦ προφῆτι καὶ κρητιστῆρος κυρίου ἡωλῆζων ποῦμ) и **д-ε-л-а-л-д-ш-к-т-ш-р-с-к-о-р-и-н-и-ч-ф-р-а-н-ц-и-с-к-о-р-и-с** (починається слава акафиста пресладкого імені гда нашого іса хта глаголемы по вса дни). Инципиты стихир составляют первые, вспомогательные слова **п-и-с-а-л** и **д-ε-л-а-л**; буквы последующих строф атрибутируют автора: указывают его академическую степень, родственную связь и имя. Словосочетания **д-ш-к-т-о-р-с-к-о-р-и-н-и-ч-ф-р-а-н-ц-и-с-к-з-с** и **д-ш-к-т-ш-р-с-к-о-р-и-н-и-ч-ф-р-а-н-ц-и-с-к-о-р-и-с** занимают 24 позиции (по количеству букв греческого алфавита), характерные для алфавитного акростиха. Данное обстоятельство побуждает задуматься о вынужденном использовании перечисленных словоформ.

Чтобы набрать необходимое количество букв, автор в полном объеме вписал свой академический титул, а свое имя удлинил за счет

⁹ См., например: «*Tarcza, Cetra, scutum, pelta, skida*» [Sirvydas 1642: 441]; а также: [Maczinsky 1564: 51; Lewis, Short 1958: 265; Oxford Latin Dictionary 1968: 255].

¹⁰ Ср. лат. *enchiridion* (др.-греч. ἐγχειρίδιον, от ἐν 'в, на' χεῖρ 'рука') 'ручная книга, руководство, пособие' и 'оружие'.

латинского окончания. В целях расширения буквенного ряда издатель использовал форму скорин-ич, которая вместе с другими приемами позволила достичь желаемого количества букв. Продуктивным вариантом с-к-о-р-и-н-и-н-с-ы-н он воспользоваться не мог из-за объективных сложностей с лексикализацией ы. Таким образом, выбор словоформ, составляющих акrostих, в значительной мере был продиктован формальными требованиями. Без строгих комбинаторных ограничений, по всей видимости, были бы употреблены иные формы, которые бы стилистически не диссонировали друг с другом: *дмктор францискѣс ↔ скоринич*.

В связи с рецепцией акrostиха необходимо оговорить его функционирование в данную эпоху. Акrostихи в составе *Малой подорожной книжки* были выявлены относительно недавно [Турилов 1979; Idem 1981], что может создать впечатление о сложностях их восприятия. Это справедливо по отношению к современности, но такое представление по умолчанию проецируется на читательскую аудиторию XVI в., что в свою очередь ведет к мнению, будто Ф. Скорин свое авторство «закодировал», т. е. скрыл от массового читателя. Так ли это на самом деле?

«Скрывая» авторство, Ф. Скорин, как и многочисленные другие «анонимы» того времени, руководствовался принципиально иными соображениям, нежели те, из которых исходил, например, средневековый писатель (боязнь неблагоприятных последствий, авторское самоуничтожение и т. п.). В эпоху Ренессанса создание акrostихов стало явлением моды и своего рода рутинной [Voit 2006: 44]. При помощи популярного поэтического приема пишущий реализовывал свой творческий потенциал, демонстрировал остроту мысли, т. е. показывал принадлежность к группе образованных, компетентных лиц. Хитроумные правила создания акrostихов были прекрасно известны читателю того времени: в отличие от современного человека, он неплохо разбирался комбинаторной поэтике. Занимаясь издательской деятельностью, воспитанник Краковского и Падуанского университетов ориентировался на западноевропейскую — преимущественно итальянскую — печатную продукцию, поэтому его акrostих следует воспринимать прежде всего в этом контексте.

В изданиях XVI в. акrostих функционирует как значимая составная часть паратекста (авторского или алографического). По этой причине лицо, создавшее акrostих, нельзя считать поэтом, а утилитарный текст — трактовать как литературное творение. Понятие «поэт», которое нередко применяется по отношению к Ф. Скорину, ко многому обязывает. Будучи издателем, Ф. Скорин, возможно, удивился бы, узнав, что он имеет сейчас такую характеристику. Акrostих был признаком хорошего тона, образованному человеку в те времена его *следовало написать*,

поэтому издатели, составители книг, эрудиты-редакторы при каждом удобном случае им охотно пользовались, не имея никаких поэтических амбиций.

Пытался ли скрыть свой акростих наш издатель? Наоборот.

В западной книгопечатной традиции средства комбинаторной поэтики обычно применялись в начале и/или в конце книги (нем. *Rahmenkompositionen*). Акростих искали и часто находили во вступительной части или в послесловии, однако в сводном издании, скомплектованном в 1522 г. [Lemeškin 2019], таких частей не было. В конец книги издатель поместил только подробный указатель писаныи речи всеи книжце, в котором перечислил все составные части. Механический перечень публикуемых источников, конечно же, никак не мог быть соотнесен с акростихом. Кроме того, кириллическая книга акростих в начале или в конце книги еще не знала. Сомнительно, чтобы «рутенский» читатель стал искать здесь какой-то зашифрованный текст. Но, желая сообщить о своем участии в создании книги, издатель подобрал более подходящее место, вне вводного или финального паратекста.

Если рассматривать издание в контексте западноевропейской книжной традиции, то может сложиться впечатление, что издательский акростих в книге затерялся, т. к. он остался незамеченным и невостребованным читателем в составе других литургических произведений, однако это не так. Позиция, в которой были расположены акростихи Ф. Скорина, значима в жанровом отношении, причем трудно представить более полезную для его издательских целей литературную форму. В устойчивой структуре церковной гимнографии акростих прогнозировался и даже ожидался читателем. В акафистниках акростих является традиционным поэтическим средством, его использование часто маркирует специальная пометка или даже само название произведения, напр.: *краєстиховъ по азбѣкы* [Турилов 1989: 92]. Таким образом, православный читатель той эпохи в акафисте мог ожидать вертикально изложенную алфавитную композицию, однако вместо нее находил именной акростих, который знакомил его с персоной издателя.

Стоит обратить внимание, что первое слово *д-ѣ-л-л-л* содержит инициальное сочетание букв, которое находит соответствие в алфавитной последовательности *д-ѣ*. Возможно, это было сделано сознательно, чтобы создать азбучный горизонт ожидания и побудить читателя к поиску и прочтению оставшейся части акростиха. Для того, чтобы текст легче воспринимался, первые пять букв, составляющие первое слово акростиха, были помещены на одном развороте, т. е. читатель, следуя за азбучным акростихом, без труда сегментировал и семантически идентифицировал первый глагол *делал*.

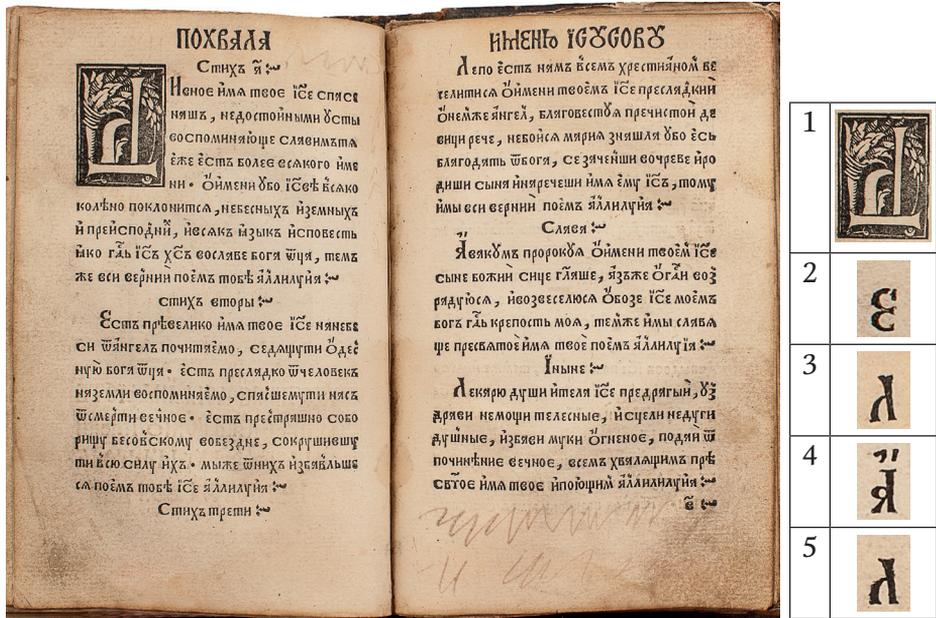

Рис. 6. а) Акафист пресладкому имени господа нашего Иисуса Христа (1522 г.), f. 2v–3r; б) Буквицы, составляющие первое слово акростиха

Более того, восприятие идущего далее текста издатель облегчает за счет исключительно выразительных типографских средств: первую букву академического титула и антропонимы он вписывает не обыкновенными литерами большого формата, как во всех других случаях, а орнаментальными резными инициалами, выполненными техникой белого штриха (см. рис. 7).

Очевидные типографические подсказки, непосредственно указывающие на присутствие акростиха, облегчали его прочтение. Делая из тайного явное, издатель, исходивший из западноевропейского издательского узуса, таким образом прививал читателю полезные навыки, т. е. расширял компетенции своих современников из Великого княжества Литовского, опираясь на особенности их восприятия акафистной поэзии.

В данном ключе, полагаем, следует воспринимать и целостную конструкцию *Малой подорожной книжки*. Было бы ошибочно думать, что у издателя просто не дошли руки до общего титульного листа и единого колофона, которые охватили бы все издание целиком. С точки зрения специфики жанра их отсутствие вполне закономерно (особенно в сопоставлении с «банальным» репрезентативным паратекстом *Бивлии*

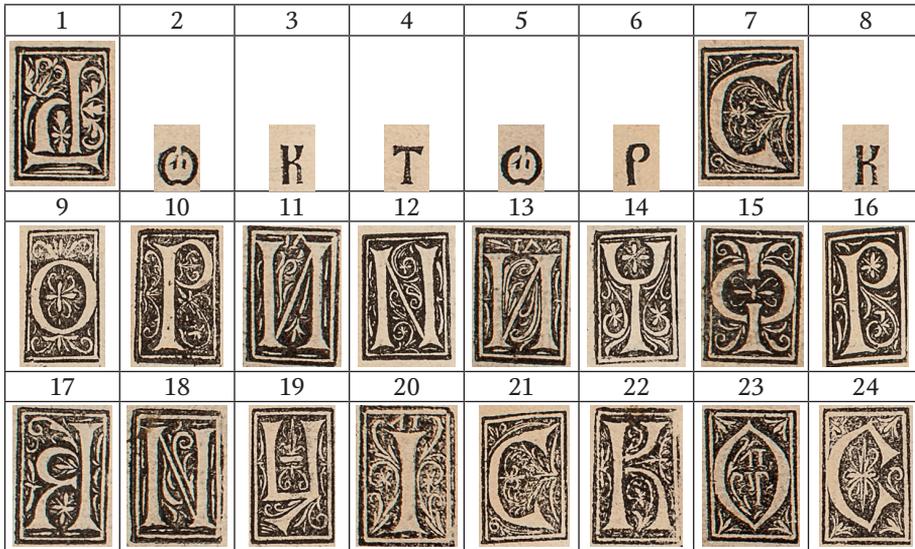

Рис. 7. Инициалы в *Малой подорожной книжке*

русской и Апостола), потому что их функцию перенимает более искусный (внутритекстовый) паратекстовый элемент. Учитывая структуру книги и ее типографское воплощение, оправданно думать, что именно акафистный акростих указывает не столько на авторство отдельно взятого гимнографического произведения, как на сегодняшний день принято думать, сколько на участие Ф. Скорина в процессе подготовки и издания книги. Таким образом, велика вероятность того, что между отсутствием общего титульного листа и акафистным акростихом (не писательским, но издательским) существует причинно-следственная связь.

В пользу этой гипотезы говорят также особенности издания и дальнейшего бытования печатных источников, которые в своей совокупности ныне составляют *Малую подорожную книжку*. Гимнографические произведения имели тенденцию к обособлению в *Акафистники* и *Акафистники-Каноники*. На сегодняшний день известно 6 таких экземпляров. Показательно, что *Акафист пресладкому имени Иисуса Христа*, для которого характерны описанные выше нетривиальные типографские приемы, чаще всего замыкает такие сборники (например, вrocławский или краковский экземпляры). Он также совершенно исключителен по количеству художественно-декоративных элементов: фигуральная гравюра, две виньетки и 21 инициал. Особенно интересен экземпляр, описанный Й. Добровским, — некогда находившийся в личной библио-

теке Симеона Руса и самого Ф. Скорины [Лемешкин 2018: 30–33]. В нем это произведение также завершало подборку акафистов. Таким образом, в составе *Акафистника* последнее произведение выполняло роль обобщающего колофона, т. е. содержало выходные данные, актуальные для всего издания.

Следует также подчеркнуть, что *Малая подорожная книжка* может быть результатом менявшегося издательского плана: акафисты и каноны могли быть напечатаны еще в пражский период и затем в виде несброшюрованных печатных листов привезены Ф. Скориной в Вильнюс, где издательский проект оказался расширен. В пользу такой версии, которую обоснованно высказывал Е. Л. Немировский [1967], говорит сразу несколько обстоятельств, которые здесь специально рассматривать не будем (подробнее см.: [Lemeškin 2019]). В пользу этой гипотезы говорит также использованная в акrostихе словоформа скоринич, которая в изданиях, напечатанных до 10 августа 1518 г., соотносится с посессивной конструкцией скорининъ сынъ. Объясняет она и перегруженность *Акафиста пресладкому имени Иисуса Христа* художественно-декоративными элементами, которые указывали на издательский акrostих. Уже напечатав *Акафистник*, издатель мог расширить его за счет канонов. В составе такого издания акафисты и каноны составили пары. В Вильнюсе первоначальный издательский замысел мог приобрести «подорожный» (*liber viaticus*) характер, причем в составе объединенного издания воздействие первоначального издательского акrostиха было нивелировано.

Литература

Аннинский 1936

Аннинский С. А., введение, перевод и комментарии, *Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях*, Ленинград, 1936.

ГСБМ 2011

Булыка А. М., ред., *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, 31, Мінск, 2011.

Дакументы 1988

Дакументы пра Францыска Скарыну, *Францыск Скарына і яго час: Энцыклапедычны даведнік*, Мінск, 1988, 564–582.

Зализняк 1990

Зализняк А. А., «Мерило праведное» XIV века как акцентологический источник, München, 1990.

Кусмауль 2015

Кусмауль С. М., Эволюция принципов употребления буквы ѿ во 2-ой половине XVI в. и 1-й половине XVII в., *Православная культура вчера и сегодня* (= Fontes Slavica Orthodoxa, II), Olsztyn, 2015, 89–133.

Лемешкин 2017

Лемешкин И., Библия пражская (1488) и „Бивлия руска“ Франциска Скорины. Место печатания, *Францыск Скарына: асоба, дзейнасць, спадчына*, Мінск, 2017, 154–194.

Лемешкин 2018

Лемешкин И., Симеон Рус и Франциск Скорина, *Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka*, [t.] 2013–2014, Vilnius, 2018, 10–33.

Лемешкин 2020

Лемешкин И., Здесь сидела (1517), да улетела (1518): *Musca depicta* на портретах Франциска Скорина, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 79 (1), 2020, 122–142.

Немировский 1967

Немировский Е. Л., Белорусский первопечатник Франциск Скорина, *Полиграфия*, 8, 1967, 39–41.

Преображенский 1910/1914

Преображенский А., сост., *Этимологический словарь русского языка*, 2, Москва, 1910–1914.

Ровинский 1884

Ровинский Д. А., *Материалы для русской иконографии*, 3, С.-Петербург, 1884.

СРЯ XI–XVII, 24

Словарь русского языка XI–XVII вв., 24 (Се–Скорый), Москва, 2000.

Тарасаў 1990

Тарасаў К., *Памяць пра легенды: Постаці беларускай мінуўшчыны*, Мінск, 1990.

Темчин 2009

Темчин С., Голгофский крест над ветхозаветной скинией на гравюрном портрете Франциска Скорины, *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos*, Vilnius, 2009, 152–168.

Темчин 2017

Темчин С., Тау-крест в треугольнике на гравюрном портрете Франциска Скорины, *Францыск Скарына: асоба, дзейнасць, спадчына*, Мінск, 2017, 146–153.

Турилов 1979

Турилов А. А., Гимнографическое наследие Франциска Скорины в рукописной традиции (к вопросам описания), *Всероссийная научная конференция «Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности» 14–16 февраля 1979 г. Тезисы докладов*, Ленинград, 1979, 45–46.

Турилов 1981

Турилов А. А., Гимнографическое наследие Франциска Скорины в рукописной традиции (к вопросу о научном описании и изучении рукописей традиционного содержания), *Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Материалы Всесоюзной конференции*, Ленинград, 1981, 241–247.

Турилов 1989

Турилов А. А., Новые списки гимнографических сочинений Ф. Скорины, *Франциск Скорина – белорусский гуманист, просветитель и первопечатник*, Минск, 1989, 91–96.

Фасмер, Трубачев 1987

Фасмер М., [сост.], Трубачев О. Н., перев. с нем., дополн., *Этимологический словарь русского языка в 4-х томах*, 3, 1987.

Cappelli 1928

Cappelli A., *Lexicon abbreviatarum: Wörterbuch lateinischer und italienischer Abkürzungen*, Leipzig, 1928.

Chotěbor 1993

Chotěbor P., *Zahrady pražského hradu*, Praha, 1993.

Dobalová 2009

Dobalová S., *Zahrady Rudolfa II. Jejich vznik a vývoj*, Praha, 2009.

Dobrovský 1796

Dobrovský J., *Litterarische Nachrichten von einer auf Veranlassung der böhm. Gesellschaft der Wissenschaften im Jahre 1792 unternommenen Reise nach Schweden und Russland*, Prag, 1796.

Leitzmann 2007

Leitzmann H., *Irdische Paradiese: Beispiele höfischer Gartenkunst der I. Hälfte des 16. Jahrhunderts*, München, 2007.

Lemeškin 2017

Lemeškin I., Skorina ir Čekija. Karaliaus sodininkas ir jo šeima, *Pranciškaus Skorinos „Rusėniškajai Biblijai“ – 500*, Vilnius, 2017, 78–87.

Lemeškin 2019

Lemeškin I., Dėl P. Skorinos Mažosios kelionių knygelės spausdinimo laiko ir vietos, *Knygotyra*, 72, 2019, 17–33.

Lemeškin 2020

Lemeškin I., *Portrait de Francisk Skorina. En commémorant le 550e anniversaire de sa naissance (1470–2020) / Портрет Франциска Скорины. К 550-летию со дня рождения книгоиздателя (1470–2020) / Pranciškaus Skorinos Portretas. 550-ąsias gimimo metines minint (1470–2020)*, Vilnius, Prague, 2020.

Lewis 1958

Lewis Ch. T., Short Ch., *A Latin Dictionary founded on Andrews' edition of Freud's Latin Dictionary*, Oxford, 1958.

Maczinsky 1564

Maczinsky J., *Lexicon LatinoPolonicum ex optimis Latinae Lingvae scriptoribus concinnatum...*, Regiomonti Borussiae, 1564.

Oxford Latin Dictionary 1968

Oxford Latin Dictionary, Oxford, 1968.

Sirvydas 1642

Sirvydas K., *Dictionarium trium linguarum*, Vilnae, 1642.

Voit 2006

Voit P., *Encyklopedie knihy. Starší knižnická a příbuzné obory mezi polovinou 15. a počátkem 19. století*, Praha, 2006.

Voit 2014

Voit P., Výtvarná složka Skorinovy Bible ruské jako součást české knižní grafiky, *Umění*, 62/4, 2014, 339–344.

References

Anninskii S. A., introduction, translation, and notes, *Matvei Mekhovskii. Traktat o dvukh Sarmatiakh*, Leningrad, 1936.

Cappelli A., *Lexicon abbreviatarum: Wörterbuch lateinischer und italienischer Abkürzungen*, Leipzig, 1928.

Chotěbor P., *Zahrady pražského hradu*, Prague, 1993.

Dobalova S., *Zahrady Rudolfa II. Jejich vznik a vývoj*, Prague, 2009.

Kusmaul S. M., Evoliutsiia printsipov upotrebleniia bukvy omega vo 2-oi polovine XVI v. i 1-i polovine XVII v., *Pravoslavnaia kul'tura vchera i segodnia* (= Fontes Slavica Orthodoxa, II), Olsztyn, 2015, 89–133.

Leitzmann H., *Irdische Paradiese: Beispiele höfischer Gartenkunst der I. Hälfte des 16. Jahrhunderts*, Munich, 2007.

Lemeshkin I., Bibliia prazhskaia (1488) i "Bivliia ruska" Frantsiska Skoriny. Mesto pechatanii, *Frantsysk Skaryna: asoba, dzieinasts', spadchyna*, Minsk, 2017, 154–194.

Lemeshkin I., Skorina ir Čekija. Karaliaus sodininkas ir jo šeima, *Pranciškaus Skorinos „Rusėniškajai Biblijai“ – 500*, Vilnius, 2017, 78–87.

Lemeshkin I., Simeon Rus i Frantsisk Skorina, Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka, [t.] 2013–2014, Vilnius, 2018, 10–33.

Lemeshkin I., Dėl P. Skorinos Mažosios kelionių knygelės spausdinimo laiko ir vietos, *Knygotyra*, 72, 2019, 17–33.

Lemeshkin I., Zdes' sidela (1517), da uletela (1518): Musca depicta na portretakh Frantsiska

Skórina, *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 79 (1), 2020, 122–142.

Lemeshkin I., *Portrait de Francisk Skorina. En commémorant le 550e anniversaire de sa naissance (1470–2020) / Portret Frantsiska Skoriny. K 550-letiiu so dnia rozhdenniia knigoizdatelia (1470–2020) / Pranciškaus Skorinos Portretas. 550-ąsias gimimo metines minint (1470–2020)*, Vilnius, Prague, 2020.

Lewis Ch. T., Short Ch., *A Latin Dictionary founded on Andrews' edition of Freud's Latin Dictionary*, Oxford, 1958.

Nemirovskii E. L., *Belorusskii pervopechatnik Frantsisk Skorina, Poligrafia*, 8, 1967, 39–41.

Tarasau K., *Pamiatc pra liehiendy: Postatsi bielaruskaj minuüščyny*, Minsk, 1990.

Temchin S., *Golgofskii krest nad vetkhozavetnoi skiniei na graviurnom portrete Frantsiska Skoriny, Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir rašties tradicijos*, Vilnius, 2009, 152–168.

Temchin S., *Tau-krest v treugol'nike na gravjurnom portrete Frantsiska Skoriny, Frantsysk Skaryna: asoba, dziejnasč, spadčyna*, Minsk, 2017, 146–153.

Turilov A. A., *Gimnograficheskoe nasledie Frantsiska Skoriny v rukopisnoi traditsii (k voprosam*

opisaniiu), Vsesoiuznaia nauchnaia konferentsiia "Problemy nauchnogo opisaniia rukopisei i faksimil'nogo izdaniia pamiatnikov pis'mennosti" 14–16 fevralia 1979 g. Tezisy dokladov, Leningrad, 1979, 45–46.

Turilov A. A., *Gimnograficheskoe nasledie Frantsiska Skoriny v rukopisnoi traditsii (k voprosu o nauchnom opisaniu i izuchenii rukopisei traditsionnogo sodержaniia), Problemy nauchnogo opisaniia rukopisei i faksimil'nogo izdaniia pamiatnikov pis'mennosti. Materialy Vsesoiuznoi konferentsii*, Leningrad, 1981, 241–247.

Turilov A. A., *Novye spiski gimnograficheskikh sochinenii F. Skoriny, Frantsisk Skorina – belorusskii gumanist, prosvetitel' i pervopechatnik*, Minsk, 1989, 91–96.

Voit P., *Encyklopedie knihy. Starši knihtisk a přibuzné obory mezi polovinou 15. a počátkem 19. století*, Prague, 2006.

Voit P., *Výtvarná složka Skorinovy Bible ruské jako součást české knižní grafiky, Umění*, 62/4, 2014, 339–344.

Zalizniak A. A., *"Merilo pravednoe" XIV veka kak aktsentologicheskii istochnik*, Munich, 1990.

Илья Лемешкин,

доцент, хабилитированный доктор Карлова университета,
вице-президент Пражского лингвистического кружка

Univerzita Karlova v Praze

Filozofická fakulta

Ústav východoevropských studií

Nám. Jana Palacha 2

Praha 1, 116 38

Česká republika / Czech Republic

научный сотрудник Центра изучения балтийских языков и ономастики

Института литовского языка (Вильнюс)

Baltų kalbų ir vardyno tyrimų centras,

Lietuvių kalbos institutas,

P. Vileišio g. 5,

LT-10308 Vilnius,

Lietuva / Lithuania

ilja.lemeskin@ff.cuni.cz

Received February 5, 2020